Елена Майорова и ее демоны

Новые известия – 2002 – 15 марта – с 9.

Майорова, как никто, оправдала собственное имя. «Елена» ведь в переводе с древнегреческого означает «горящая», «факел». Вот она и сгорела. Живьем.
Правда, еще в детстве Лена Майорова пыталась обмануть судьбу – в пионерлагере, чтобы соригинальничать, назвалась Эрой. Эра Майорова просуществовала несколько дней, пока обман не раскрылся. Эра Майоровой закончилась в августе 1997-го. А слухи, домыслы, версии хороводят вокруг страшной и загадочной Лениной смерти до сих пор.

Лена никогда не позировала Сергею, но присутствовала во многих его картинах. «Спящая Флора». 1991 г.

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ,
«Новые Известия»

Как это было

Жарким августовским днем из подъезда роскошного, сталинской архитектуры дома на Тверской, того самого дома, который украшен мемориальными табличками Александра Фадеева и Аркадия Райкина, вышла женщина. Не выбежала, именно вышла – ровным, неспешным шагом. Как рассказывал потом случайный свидетель, грузчик из соседней булочной, «она была голая и коричневая. Я подумал – наверное, кино снимается». Женщина пересекла дворик, поднялась по ступенькам к служебному входу Театра имени Моссовета и, минуя растерявшуюся бабушку-вахтершу, устремилась внутрь. После секундной паузы за ней бросились в погоню, а настигнув, ахнули и отступили в ужасе: все, что недавно было человеческой кожей, длинными волосами, легким летним платьицем, слилось в жуткую, сочащуюся кровью горелую корку. Лицо, не тронутое, но искаженное болью, никому не показалось знакомым...

«Скорая» добиралась на вызов сорок минут, милиция отреагировала расторопнее. Увидев над собой человека в форме, женщина ясно произнесла: «Дверь, закройте дверь...». Милиционеру пришлось повторить ее путь в обратном направлении: страшные знаки, оставленные горящей плотью, привели его на шестой этаж – к распахнутой настежь квартире. На столе в прихожей обнаружилась сумочка. В сумочке паспорт. Майорова Елена Владимировна, дата рождения – 30 мая 1958 года.

Через несколько минут в «Моссовете» раскалились телефонные аппараты – звонили чуть ли не подряд всем, кого можно было застать в Москве в субботу, да еще в самый разгар летних отпусков. Выстраивались цепочки – путаные, сбивчивые, муторно долгие. Никто не хотел верить: «Лена Майорова сгорела?! Что за бред! Не может быть такого! Они перепутали!». Наконец, когда несчастная была уже в «Склифе», кто-то набрал номер ее ближайшей подруги – Татьяны Догилевой, живущей буквально через переулок. Та в шоке и панике тоже потеряла несколько драгоценных минут, пытаясь получить хоть какую-то информацию в склифовской справочной. Наткнувшись на безнадежное: «Сведений о Майоровой не даем», рванула с друзьями по свободному, к счастью (думали, что к счастью), Садовому кольцу. Вбежали в вестибюль, и едва рот успели раскрыть, произнести фамилию, вышел врач. Сказал устало: «Кто к Майоровой? Можете войти. Она только что умерла».

Над расплавленным Садовым клонился к закату день. Часы в больничном холле показывали девятнадцать сорок.

От Табакова до Ефремова

Елена Майорова прожила на земле тридцать девять лет и три месяца. Путь за это время она преодолела фантастический: девочка родом аж из Южно-Сахалинска, да вдобавок пролетарских корней (отец на автобазе, мама на мясокомбинате), приезжает в Москву, поступает (правда, со второго захода, годик пришлось проучиться в ПТУ на изолировщицу) в ГИТИС; а курс набирал, между прочим, Олег Табаков; в абитуриентке баскетбольного роста с сорок первым, как позже выяснилось, размером ноги он сразу углядел признаки несомненного таланта; и Майорова оказалась среди тех, кто начинал создавать подвальную студию на Чаплыгина, ныне известную под славным именем «Табакерка»; и была она, Лена Майорова, по воспоминаниям очевидцев, счастлива, а мама ее регулярно присылала с Сахалина так называемые «брюшки» – засоленные плавнички семги, нельмы и муксуна, так что вся компания во главе с Табаковым под картошечку их уплетала...

Когда столичный мандарин Гришин «Табакерку» запретил, отец-основатель ее свалился в горячке, а артисты, особенно из числа иногородних, неустроенных, начали потихоньку искать работу. Майорова, пометавшись, осела во МХАТе. В театр к Табакову она впоследствии не вернулась, да он и не звал: костяк созданной, наконец, труппы сформировался уже на основе его следующего курса. Однако взаимную нежность они сохранили навсегда. *«Складывалось так,* – объясняет Табаков, – *что там она получала роли все больше и больше, все главнее и главнее. Я же их всех люблю и довольно быстро вычисляю, где кому интереснее. Вроде ей по жизненному сюжету прямо с неба сыплется, все в руки плывет... Но самое удивительное, что время от времени, когда она бывала чуть не трезва и мы сталкивались, она плакала, обнимала меня и просила забрать...».*

Почему плакала актриса, чей репертуарный послужной список одними только чеховскими героинями мог повергнуть в завистливый траур любую коллегу-ровесницу? Нина Заречная, Сарра из «Иванова», Елена Андреевна, Анна Петровна Войницева («Платонов»), наконец, Маша в «Трех сестрах».

Говорили, Майорову убил МХАТ.

Бездоказательно.

Скажем так, нравы, царившие во МХАТе, усугубляли хаос, творившийся в ее собственной душе. МХАТ подталкивал к беспорядку, раздраю, алкогольному подвисанию между небом и землей. Но подталкивал не одну Майорову – всех в равной мере. Общедоступный художественный бред. Думаю, и рыдала-то она на плече у Табакова, потому что плечо это казалось ей оплотом трезвого, рационального, безвозвратно утерянного мира.

Олег Николаевич Ефремов Лену Майорову обожал. Смотрел на нее, и глаза светились. Да что там, теперь-то можно открыть: Елена Майорова была последней ефремовской любовью. Платонической по форме и, думаю, весьма чувственной по душевному наполнению. Примерно за год до трагической развязки свободный от брачных уз Ефремов сделал замужней Лене официальное предложение. Получил хоть и деликатный, наверное, но отказ: «Я мужа люблю...». Разозлился. Гонял свою несостоявшуюся молодую супругу на репетициях «Трех сестер», как сидорову козу; она плакалась близким друзьям: «Я не артистка! Я ничего не понимаю!», чуть ли не об уходе из театра заводила речь; но все миновало, рана на уязвленном ефремовском самолюбии затянулась, а на сцену в роли Маши вышла мощная трагедийная актриса и сыграла сломанную ветку, тонкую, сухую, колючую, но готовую было расцвести... «Когда берешь счастье урывочками, а потом теряешь его по кусочкам, волей-неволей становишься злой...».

15 августа 1997 года Елена Майорова навещала Олега Ефремова в барвихинском санатории, провела с ним целый день и вернулась чрезвычайно довольная – они строили планы на приближающийся новый сезон. Через неделю Майоровой не стало. Гибель ее подкосила Ефремова. Именно с этого момента он и начал серьезно сдавать. На похороны Олег Николаевич не пришел («Не мог этого вынести», говорят доброжелатели, «боялся за себя», уточняют циники). В день Лениных сороковин ему исполнилось семьдесят.

Шерстюк

Лена потянула за собой не только Ефремова. Муж ее, художник Сергей Шерстюк, пережил Лену ровно на девять месяцев. 23 мая 1998 года он скончался в печально известной онкологической клинике на Каширке от рака желудка. Болезнь, вероятно, подступала давно – года за три-четыре до смерти Шерстюк начал худеть, слабеть и киснуть. Общими уговорами семьи удалось направить его на всестороннее обследование, и Сергей послушно сдавал анализы, переходил от одного специалиста к другому, подвергал себя разнообразным процедурам, кроме одной. Не захотел делать гастроскопию – боялся трубку глотать... Врачебный вердикт: «практически здоров»...

В мае 97-го Лена и Сергей отдыхали на Канарах. Не самое удачное место для человека, пораженного злокачественной опухолью. «И это тоже, – подтвердят потом медики, – и Канары, и солнце, и сырая рыба... Но чтобы все рухнуло в одну секунду, требуется сильнейшее потрясение...». О потрясении Сергея свидетельствует его последняя дневниковая тетрадка, где этот странный, прежде очень многословный, явно замороченный человек изо дня в день заклинает прошлое и не пишет ни о ком, кроме «Леночки», и ни о чем, кроме своей всепоглощающей тоски.

В отличие от Ефремова Шерстюк не сомневался, что Лена покончила с собой. Вернее, Ефремову просто гордыня не позволяла смириться: как же так, ушла по собственной воле, бросила навсегда, значит, не слишком дорожила, не ценила, значит, скучно ей стало... Шерстюк, сын офицера, генерала ВВС, оказался более мужественным. Версию о несчастном случае с керосиновой лампой придумала его сестра Светлана – в основном для прессы (никто, разумеется, не поверил). А в патриархии, куда верующий Сергей поехал с друзьями просить о православном отпевании, он сказал все, что знал, как на духу: «Она бежала вниз по лестнице и кричала: «Помогите, помогите!». То есть помутнение прошло, она уже хотела жить, хотела спастись...». Аргументацию сочли убедительной. Лену Майорову отпели в храме Вознесения на Большой Никитской, а похоронили рядом с тестем, Шерстюком-старшим, на военном Троекуровском кладбище.

Огромную, в 130 квадратных метров, квартиру на Тверской, то бишь на Горького, когда-то и получил старший Шерстюк. Майорова въехала туда в 87-м – после их с Сергеем неудачной попытки наладить самостоятельную жизнь в мхатовском общежитии. Лена, впрочем, пьяные загулы соседок переносила терпеливо, благо опыт был. А субтильный очкарик, «генеральский сынок» вышел однажды из своей комнаты часа в четыре утра, когда за стеной шла самая гульба, снял с антресолей припасенный кем-то не маленьких габаритов холодильник и грянул его оземь. Холодильник всмятку, за стенкой долгожданная тишина... В общем, пришлось возвращаться под родительский кров.

Лена семью Шерстюков любила, охотно выбиралась вместе со всеми на дачу в Михнево и чувствовала себя в широком шерстюковском кругу (куда входили и первая жена Сергея – Леля, и их сын Никита) вполне свободно. Потому что у простых этих людей достало мудрости или инстинкта самосохранения не вторгаться в чужую сложность. За закрытой – и буквально, и образно – дверью Лена и Сергей вели жизнь, о которой прочие члены дружного семейного клана просто не догадывались.

В этой жизни было много любви, много выпивки – совместной и по отдельности, и были ссоры – признаки первой усталости. Десять лет бок о бок – это все-таки срок... Порой идиллия возвращалась, и Шерстюк мчался за Леной на какие-нибудь гастроли (например, сопровождал ее в поездке МХАТа по Израилю), но в принципе, похоже, что в последние годы их брак спасали расставания. Лена целый день в театре, Шерстюк всю ночь в мастерской. Лена на съемках, Шерстюк на даче. В ту роковую субботу Сергей с сестрой и шурином ранним утром как раз и отправился в Михнево (мама его, Лидия Сергеевна жила там с мая по октябрь безвыездно), а Лена осталась одна. Так бывало и раньше – у нее дела, обязательства, расписание репетиций или съемок, Сергей свободный художник, может позволить себе отдохнуть, подышать воздухом, соотносясь лишь с собственным самочувствием. Вот только в ночь с пятницы на субботу между ними что-то произошло. И друзья говорят, и дневник не таит: собирались они на дачу вместе, а уехал Шерстюк один. Опять же ничего экстраординарного, видимо, очередная по пьяному делу размолвка. Шурин видел, как Сергей, уходя, сонную Лену поцеловал, спросил: может, все-таки поедешь? А уговаривать не стал. Наверное, даже вздохнул с облегчением, что не надо тащить за собой в новый день вчерашнюю муть. Отлежится, отоспится, отойдет... Не тоска, не одиночество – чувство собственной вины доконало Шерстюка. «Почему я уехал, почему я уехал...» – рефрен его дневниковых записей.

Без двадцати восемь вечера, в субботу, Шерстюки сели ужинать на веранде. По признанию Светланы, «ни у кого ничего не екнуло». Подруга Лены, мхатовская администраторша Наталья Воробьева уже посылала Сергею на пейджер сообщения: «С Леной несчастье, позвони». Но в Михнево сигнал доходит, только если туман сгущается. И лишь перед рассветом, по влажной утренней дымке, долетел, наконец, SOS из Москвы, запищал пейджер, заметался по дому Сергей... До Москвы долетели единым махом. Поднялись на лифте в запертую, идеально чистую квартиру – Шерстюк поначалу так ничего и не понял. А шурин его, тоже Сергей, когда уже глаз первая суматоха и отвязался, наконец, въедливый мент («Не мог ли муж покойной уехать с дачи, совершить убийство и вернуться?»), взял совок, веник и пошел подметать лестницу – с первого этажа до шестого...

Роковая любовь

Днем раньше, в субботу, пейджинговая связь уже сыграла роковую роль в жизни Майоровой. С утра и до последнего своего часа она беспрерывно диктовала операторам один и тот же текст: «Приезжай, я умираю... Приезжай, я умираю...». Только адресовались эти послания не Шерстюку.

Табаков назвал Майорову «недолюбленной женщиной». Обманчивая русалочья внешность и при этом горячая кровь. Первым ее мужем был сокурсник, москвич – этот брак обеспечил Лене московскую прописку, но ужиться со свекровью она не смогла, вот тут и возникло мхатовское общежитие. Хотя основную часть их комнаты, по воспоминаниям соседей, занимала огромная кровать, молодожены вскоре расстались – тихо и, кажется, безболезненно. А вскоре Майорову закрутил любовный омут – у нее начался пылкий роман с женатым мхатовским актером. (Он и по сию пору женат, причем все на той же женщине, так что фамилию опустим.) Безоглядной страсти хватило на год. По истечении этого «медового» периода Лене захотелось определенности. Актер подумал, подумал, и дорогу в общежитие забыл. Майорова избавлялась от любовного вируса радикальным методом – каталась по полу, яростно мыча: «отпусти меня, отпусти, отпусти!!!».

Отпустило.

Потом сидела она как-то в комнате у подружки, Валентины Якуниной, и обсуждала с ней тяжелую женскую долю. Та подлакивала: мол, действительно, нет для нас хороших мужиков, не везет... «А мне кажется, – сказала вдруг Лена, – в моей жизни со дня на день должен появиться главный человек. Вот сейчас распахнется дверь, и он войдет...». Через секунду постучали. За дверью стоял Шерстюк. Какая-то неведомая сила сдернула его тем вечером из мастерской и увлекла прогуляться в Леонтьевский переулок, навестить Валю Якунину – знакомую хоть и давнюю, но отнюдь не близкую. Дальнейшее вам известно.

... В 1996 году Елена Майорова, уже запойно пьющая, уже страдающая от депрессий, снималась в картине «Странное время». Странным там было буквально все – полумаргинальная команда, смутный сценарий, отсутствие гонорара. Но Лену это устраивало. Чуть ли не впервые во всей ее богатой кинобиографии ей предстояло сыграть любовь – настоящую, плотскую любовь цветущей зрелой женщины к юному мальчику. В сценарии оказалось много «обнаженки», Майорова по этому поводу долго вибрировала, наконец, поделилась своими сомнениями с Шерстюком и услышала: «А что, ты красивая, давай...». В своем дневнике он, кусая локти, припомнит еще этот совет.

Стоял ноябрь. Первый съемочный день посвятили финальным кадрам: юноша должен голышом бегать по осеннему саду, а влюбленная дама – гоняться за ним с пледом в руках. Снимали на территории ВДНХ. Приехала Майорова, в ярко-красном пальто, в изящных туфельках, видит – все нервничают, свет уходит, а по поляне носится молодой актер, совершенно голый, посиневший от холода... По команде режиссерши припустилась следом, безнадежно испортила туфельки, вымокла по колено. А когда все закончилось, и новоявленный ее партнер собирался сесть в свою машину, сказала неожиданно: «Не хочу домой, хочу кататься по Москве»... На следующее утро об их внезапном романе знала вся съемочная группа.

Олег В., выпускник ВГИКа, тоже в обществе трезвости не состоял, но на тот момент находился «в завязке». Будучи на двенадцать лет моложе Майоровой, поверил, будто сможет стать для нее спасителем. Прятал водку, отмачивал «знаменитость» в ванне, таскал на каток. Летом 97-го «Странное время» отобрали на «Кинотавр», Лена и Олег поехали в Сочи, жили в одном номере, со стороны казалось, что дело закончится разводом и последующей свадьбой. Правда, Лена тогда выдохнула подруге: «Он так на молодого Сережку похож...».

23 августа Олег находился далеко от Москвы, и его пейджер тоже молчал. Вечером в гостиничном номере включил телевизор, увидел Лену, в шоке, ничего не понимая, посмотрел короткий сюжет. А через день в Москве его нагнала лавина сообщений. Как свет от погасшей звезды, от умершей Майоровой летела волна отчаяния: «Приезжай, я умираю...».

Черные роли

Знал ли Шерстюк об измене жены или пребывал в неведении, навсегда останется тайной. Но фильм этот, «Странное время», он возненавидел лютой ненавистью. И, кстати, не только Шерстюк. Многие из майоровского окружения говорят о «черных ролях», преследовавших Лену в последние годы жизни. За «Странным временем» последовал сериал Александра Орлова «На ножах», где Майорова играла Глафиру – наверное, самую темную и страшную героиню Лескова. Куда там леди Макбет Мценского уезда... Играла нелюдь, и сама ужасно боялась, и по совету друзей свечки ставила... Из двенадцати серий только две успела озвучить...

Еще одной роковой ролью Елены Майоровой считают Тойбеле – в знаменитом мхатовском спектакле «Тойбеле и ее демон» по пьесе Исаака Зингера. Там тоже плотская чувственная любовь – в театре Майоровой вообще удавалось реализовываться как женщине, преображаться из пэтэушницы в Елену Прекрасную; она выходила на сцену синеглазой, белозубой красавицей, сама мастерски гримировалась, ей поразительно шли парики, особенно рыжие, и шляпы любых фасонов, и одевать ее – высокую, по-модельному худую, наверное, было для художников удовольствием. Еврейскую девушку Тойбеле, по крупицам открывающую для себя ужас и прелесть греховного мира, Лена Майорова играла целых два года. В паре с Сергеем Шкаликовым – демоном Ахононом, который является к Тойбеле в мужском обличье и соблазняет ее тело и душу. Спектакль не оставлял впечатления черноты, зал то и дело смеялся, Майорова являла чудеса сексапильности, медленно скатывая чулочек с высокой стройной ноги или ненароком высвобождая из-под сорочки нежное шелковое плечико...

Дурную репутацию творение режиссера Вячеслава Долгачева заработало, когда Лены уже не было на свете. На ее роль вводили долго отказывавшуюся Оксану Мысину, и на прогоне Вячеслав Невинный, игравший старого ребе, сломал несколько ребер, провалившись на сцене в люк, фактически в бетонный мешок пятиметровой глубины. Тут-то и завопили вокруг, что спектакль «нехороший», опасный для жизни. Но хроника событий мистическому кликушеству противоречит.

Невинный, у которого в тот момент работы было – не продохнуть, еще накануне предупредил Долгачева, что дико устал: «У меня уже внимание отключается, где верх, где низ, не различаю, еле хожу». Даже просил освободить его от грима перед прогоном, и Долгачев, конечно, освободил. А утром Невинный сидит перед зеркалом, гримируется: «Что я буду один, как белая ворона...». Вышли, Невинный грандиозно отыграл первую сцену, подмигнул сидевшему в первом ряду мхатовскому фотографу: «Видал, как надо?», свернул за кулису, там его встретил, как обычно, человек с фонариком, проводил к выходу, темнота закончилась, впереди – светлый коридор. Человек ушел. А через минуту – звук удара и страшный крик. Невинному от усталости показалось, что его привели не к тому выходу, он двинулся назад, и, конечно, не заметил, что прямо перед ним для очередной смены декораций поднимается плунжер...

Через десять минут в репконторе МХАТа раздался телефонный звонок. Женский голос попросил к телефону Вячеслава Михайловича Невинного. Ей ответили, что Вячеслав Михайлович в данный момент подойти не может. «А-а, – язвительно протянула женщина, – ну, имейте в виду: следующий – Щербаков». Ефремову пришлось собрать весь состав «Тойбеле...» у себя в кабинете: «Дело нашей чести – играть этот спектакль. Я буду презирать тех, кто откажется. Звонок подстроен».

Скорее всего, так оно и было. В это время во МХАТе шел передел сфер финансового влияния, и, в общем-то, сейчас уже не секрет, кто пытался таким образом деморализовать вражеский стан...

А «следующим» оказался Сергей Шкаликов. Прекрасный актер, хороший друг Лены Майоровой, умер дома, в кресле перед телевизором, по официальной версии – от сердечного приступа, по неофициальной – от передозировки героина. Это донельзя печально, но «Тойбеле», разумеется, здесь ни при чем.

Великая пустота

Я спросила Татьяну Догилеву: как вы думаете, Лену можно было спасти? И она, утирая слезы, ответила: наверное, можно...

– Если бы что?

– Если бы показать ее хорошему психиатру. У нее в последнее время приступы отчаяния повторялись чуть ли не каждую неделю, ну раз в десять дней обязательно. Такого ни один организм, даже самый молодой и крепкий, не выдержит...

– Вы предлагали ей полечиться?

– Знаете, нам казалось, что это не про нас, что с нами ничего плохого случиться не может...

Друзья не предложили, муж не подумал, в театре не позаботились – ладно, это мы обсуждать не станем. Все равно от депрессии можно спастись только жизнью, а не таблетками. Что мучило Майорову, какая боль грызла ее изнутри?

Может быть, бездетность?

Никто не спорит, Лена по этому поводу очень переживала. Тем более что женская ее неполноценность была результатом еще детских скитаний по больницам – слабенькую девочку залечили убойными дозами медикаментов, вдрызг порушили ей гормональный фон. По-

началу Лена с Шерстюком пого
ривали об усыновлении приемы
а потом замолчали – как отреза
Видимо, Майоровой не нужен б
чужой ребенок, в конце конц
роль ребенка исполнял при н
Шерстюк, который за своей ме
ду прочим, на редкость хозяйств
ной Леночкой увивался хвост
где у нас то, где это... Она хоте
просто ощутить себя нормальн
женщиной. Не удалось. Умира
от этого? Кто знает...

Почему на капельку, на кроше
ку жива до сих пор надежда, что
моубийства все-таки не было, а б
несчастный случай? Потому ч
предыдущие – неоднократные
попытки суицида Лена всегда пре
принимала «театрально», на люд
Несколько раз ее ловили на под
коннике. А спичками она никог
не баловалась, и вообще прибегну
к такому мучительному спосо
можно только от глубокой ненав
сти к самой себе. Ты одна в кварт
ре, высоченный шестой этаж, р
пахнутое окно, внизу мостовая,
шила покончить счеты с жизнь
вперед, никто уже не поймае
Майорова знала себе цену – к
красивой женщине и крепкому п
фессионалу. Она себя любила
взвилась живым факелом, мо
быть, по нелепой случайности.
мучилась-то много лет не на шу

Роскошные условия жизни, б
стящая карьера, абсолютная в
требованность и в кино, и в теа
– всякой провинциалке этого
тило бы с избытком. Всякой, но
Майоровой.

Сахалинская девочка, кото
любила подпрыгивать на панц
ной кровати, как на батуте, все
ше, выше и выше, чтобы увид
за ровным горизонтом Москву
Москву, в Москву!»), облад
главным актерским качеством
ней был великий вакуум. А
ведь, грубо говоря, не человек
проводник, медиум; он напол
ется на сцене, а за пределам
сдувается, как проколотый возд
ный шарик. Кто-то мудрый ска
что для великого наполнения н
на великая пустота.

Лену Майорову ее природ
пустота раздражала. Говорят,
охотно вела «умные» разгово
могла ночь напролет слушать му
ку, одно время увлекалась инд
ской философией и любую дух
ную пищу заглатывала с жадност
изголодавшегося человека. Дово
но долго функцию духовного
ставника удавалось исполнять Ш
стюку, но однажды и он оказал
исчерпан. (Ефремов, видимо,
черпался значительно раньше.) С
ружение Майоровой не могло пр
ложить ей ничего умнее православ
ной церкви, хотя Лена с детства
нически боялась храмов. Году
88–89-м ее окрестили, и с тех по
ее жизни приступы религиознос
чередовались с рецидивами пре
него «язычества». Суровое, жестк
по своей природе православие д
полнило комплекс страданий Ма
оровой постоянным чувством в
ны.

Исхода не было. Широкая д
рога уткнулась в наглый, слепой т
пик. Финал этой трагедии оказа
ся, может быть, и случайным, но у
точно – вполне логическим. А р
зыграть собственную жизнь ка
трагедию способна только велик
актриса.